

Матвей Леонтьевич Песковский

Барон Николай Корф.

Его жизнь и

общественная деятельность

Матвей Леонтьевич Песковский
Барон Николай
Корф. Его жизнь и
общественная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175498*

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Раннее детство	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

М. Л. Песковский
Барон Николай Корф. Его
жизнь и общественная
деятельность

*Биографический очерк М. Л. Песковского
С портретом Н. Корфа, гравированным в
Петербурге К. Адтом*

Предисловие

«Народ в государстве – это *всё*». Политическая формула эта, давно уже получившая повсеместное право гражданства, имеет особенное значение для нас, русских, так как в России трудовой сельский класс составляет более 85 процентов общего государственного населения. Думать же о народе, заботиться о его коренных, самых насущных пользах и нуждах, – это значит думать и заботиться прежде всего и главным образом об образовании народа, так как именно образование служит главным импульсом всяческого прогресса в жизни и основным источником экономического роста и благосостояния.

Для всякого государства и народа невежество массы населения – самый опаснейший его внутренний враг, опаснее всех внешних врагов, взятых вместе. От внешних врагов можно защищаться, укрываться. Невежество же, предоставленное естественному своему течению, остающееся без противодействия ему образованием, настойчивым просвещением массы населения, является силой, разлагающей народ, как бы он ни был многочислен и могуч физически. Именно под влиянием невежества обширнейшие многонаселенные древние государства, вроде, например, старинной Туркестанской империи, бесследно сошли с исторической арены, не оставив после себя в истории культуры человечества

ровно ничего, кроме голого факта своего существования. Наоборот, маленькая Великобритания с населением около 36 миллионов человек (на европейской ее территории) в силу высокого культурного развития распространила свои владения буквально на все части света и материки, держит в своем подчинении не менее 400 миллионов населения, и в ее владениях в полном смысле слова никогда не заходит солнце, не прекращаются весна и лето, – так они обширны, распространены по разным географическим широтам и долготам в полушариях: западном и восточном, северном и южном.

С той поры, как зародилась у нас, в России, культура в европейском смысле слова, т. е. со времен Петра Великого, впервые появились более или менее определенная забота и дума о народном образовании. Начало, положенное этому великому делу при Петре I, получило некоторое развитие при Екатерине II, но исключительно, однако, в законодательном отношении. Насажденное у нас Екатериною II крепостное право отняло у всей системы государственного образования живое, естественное, благотворное воздействие его на жизнь и окончательно парализовало всякое проявление сколько-нибудь правильного развития народного образования. Это последнее получило фактическое и юридическое право бытия лишь в царствование Александра II, после освобождения крестьян.

Таким образом, народное образование у нас – дело совсем

юное. В смысле государственного установления, более или менее организованного, приведенного в систему и последовательно распространяемого, оно имеет у нас, в России, немного более четверти века. Мало-мальски благоустроенные народные школы, хоть отчасти удовлетворяющие педагогическим требованиям, начали возникать в провинциальных городах и деревнях одновременно с открытием земских учреждений и преимущественно, если не единственно, благодаря последним.

Успехи народного образования у нас выражаются, в общем, в следующих цифрах. Из десяти детей школьного возраста (от 7 до 14 лет) начальное образование в пределах европейской части России доступно лишь одному из них, значит, из 100 детей – десяти человекам. Такой ограниченный круг детей, которых могут обнять собою существующие народные школы, в сильной степени парализует благотворное воздействие образования на склад, ход и строй сельского быта. Ничтожная частица грамотного населения как бы тонет, растворяется в общей тьме народного невежества; мрак массы населения нередко заглушает даже и простую грамотность, так что бывают случаи *рецидива безграмотности* (возвращения грамотного к первоначальной безграмотности) в сельском населении.

Таков, к сожалению, закон «влияния массы», имеющий силу не в одной физической области, но и в сфере нравственной жизни. Именно в виду непреложности этого закона лю-

ди, искренно преданные делу народного образования, понимающие главенствующую роль его в государственной жизни и деятельности, при первом зарождении у нас регулярных народных школ усиленно настаивали и доказывали, что в этом деле нельзя останавливаться на полпути, нельзя затягивать на бесконечно долгое время дела, требующего немедленного практического осуществления. И усилия эти не пропадали даром. Худо ли, хорошо ли, но дело народного образования неуклонно подвигалось и подвигалось вперед при дружном сочувствии общества, хотя, правда, очень медленно. Был момент, когда не только в обществе, в педагогической и общей печати и в среде педагогов, но даже и в правительственных сферах вопрос о введении в России обязательного обучения получил было заметное движение. В исходе, например, 70-х годов министерство народного просвещения деятельно и серьезно занималось этим вопросом. Но затем все затихло, и в последние десять лет замечается даже застой в деле народного образования.

К величайшему удивлению, в этой области, где, в сущности, все так просто и ясно вследствие действующего основного закона (устав 1874 года), почему-то смешались и перепутались воззрения на задачи и потребности народного образования самым противоестественным образом. Если разобраться в этой сутолоке и водовороте крайне разноречивых и совершенно произвольных мнений и взглядов, определяются следующие господствующие направления. По мнению

одних, для всего сельского населения необходима лишь простая грамотность, но ни в каком случае не начальное образование. Другие, придерживаясь дикого взгляда: «просвещение – вот чума», считают совсем ненужною даже и простую грамотность и под именем народного образования не прочь видеть простое, голое обучение трудового класса прикладным знаниям, наивно полагая в простоте неведения, будто бы осмысленная передача каких бы то ни было прикладных знаний может быть по силам совершенно безграмотному населению. Третьи до сих пор еще не могут примириться с мыслью, что земские и городские общественные учреждения, а также частные лица и общества могут заботиться о нуждах народного образования. На их, слишком уж упрощенный, взгляд, – «на то есть начальство, которое и заботится о нас». Обязанность же общественных учреждений и частных лиц, по их мнению, – только давать деньги на народное образование, без всякого активного участия в расходовании их. Наконец, есть и такие, которые позволяют себе открыто проповедовать неправоподобность будто бы даже и министерства просвещения в заведовании и руководстве народным образованием; будто бы для России, в противность всему остальному образованному миру, никаких особенных учительских семинарий, никаких специально подготовленных народных учителей вовсе даже не требуется...

Все эти измышления были бы только смешны и жалки по их нелепости, если бы они не вели к печальным последстви-

ям на деле. Смешными же и жалкими они оказываются потому, что как основной закон о народных училищах, так и все последующие правительственные распоряжения в этой области, до издания правил о церковно-приходских училищах (в 1884 году) включительно, не дают никакого повода к извращенному толкованию узаконенного порядка вещей.

Но, повторяем, в сфере практической деятельности по народному образованию произошла большая путаница понятий, несмотря на простоту и ясность основного органического закона по этому предмету. В результате такой путаницы проявился значительный застой в этой отрасли общественной деятельности, который особенно остро ощущается именно в настоящее время. Русский человек вообще не тверд в понимании закона и не устойчив на законной почве. Нет ничего удивительного поэтому, что, ввиду тех, долго уже продолжающихся, кривотолков о задачах и целях народного образования, — хотя и вопреки положительному закону о нем, — даже многие из земских и городских общественных учреждений, очень сочувственно и энергично относившиеся прежде к образованию народа, остановились в нерешительности или стали систематически урезать свои расходы на эту первейшую, насущнейшую жизненную потребность.

Такой прискорбный факт заслуживает тем большего внимания, что у нас успела уже родиться особого рода педагогическая литература, так сказать, *антипедагогического* свойства, имеющая дерзость подвергать гонению все, что

есть разумного в нашем начальном обучении. Это вызывает естественное опасение, как бы нам не вступить в полосу *одичания* в деле народного образования, как бы не началось *огульного отрицания* в этой области всего рационального, что добыто усилиями человечества и насаждено на родной нашей ниве дружными усилиями самоотверженных русских деятелей. Истолкователем этих «отрицательных» веяний явился, между прочим, некто Н. Горбов в своих «Задачах русской народной школы». По его мнению, высказываемому тоном непререкаемого авторитета, но без всяких доказательств, главный недостаток существующего метода обучения и воспитания в народной школе заключается в усвоении нашими педагогами «протестантских взглядов», в силу которых протестант «хочет следовать только тому, в чем он убедился доводами рассудка». Принцип же воспитания в духе католицизма и православия, — как полагает г-н Горбов, — должен заключаться «в подчинении своего существа под власть авторитетов».

«Это различие, — говорит г-н Горбов, — должно решающим образом влиять как на метод обучения, так и на дисциплину, и на все порядки школы... Смотреть на ребенка как на существо, которое надо развить и с которым надо обходиться согласно требованиям природы; отыскивать в нем закон развития, которому должно следовать; развивать его способности и силы, преследовать формальные цели обучения; ничего не позволять зубрить, т. е. учить без

полной сознательности и понимания; убеждать ребенка в истине внутренними доводами... все это – протестантские принципы; все это – протестантский способ обучения».

Следуя, таким образом, возвещаемому г-ном Горбовым «православному» методу воспитания и обучения, оказывается, что при изучении, например, четырех правил арифметики только протестант имеет право следовать «доводам рассудка»; православный же и католик должны принять все на веру, взять памятью, отупляющей зубристикой...

То, что г-н Горбов так самодовольно, с таким самомнением возвещает как нечто будто бы новое, есть в действительности общеизвестная, давно отвергнутая за непригодностью *старина*. Метод, провозглашаемый г-ном Горбовым, – это *иезуитский метод* воспитания и обучения, вовеки проклятый и отвергнутый во всем образованном мире!.. И г-н Горбов поступил по меньшей мере слишком опрометчиво, припутав тут «православие».

Вот что значит пытаться «доходить своим умом» до того, до чего другие давным-давно уже додумались. Силясь «открыть Америку», г-н Горбов сделал непростительную ошибку. Никакого специального «протестантского способа обучения», конечно, нет и быть не может. Для народов всевозможных национальностей и вероисповеданий обязателен один *индуктивный* метод обучения как единственно разумный, единственно пригодный для целей обучения и воспитания, естественно вытекающий из психологических особенностей

детской натуры, и потому воспринятый во всем мало-мальски образованном мире без всякого различия по вероисповеданиям.

Велико же, однако, должно быть общественное помрачение, если оказывается возможным с таким апломбом печатно возвещать сумасбродное отрицание всего, что есть разумного в деле обучения и воспитания, и советовать возврат к тому недоброму и, слава Богу, далекому уже прошлому, когда учение было мучением, когда учили, не воспитывая. Ввиду этого, естественно, является потребность оглянуться на все прошлое нашей народной школы – на то, как она зарождалась, организовывалась и распространялась, так как во всем этом есть разумная законность, причинность и цель.

Говорить же об этом, – значит говорить о бароне Николае Александровиче Корфе как первом насадителе и распространителе у нас нормальной народной школы, в том именно виде ее, который впоследствии и узаконен правительством; как об одном из самых выдающихся деятелей в области именно народного образования. Сын обрусевшего остзейца, аристократ по происхождению и воспитанию, барин по привычкам и состоянию, располагая знатным родством и огромными связями, он, однако, не пошел открытою перед ним дорогою почестей, знатности, крупных отличий и чинов, громких и видных должностей, а скромно и самоотверженно отдался совсем новой в его время и вовсе не заметной роли организатора народной школы, или иначе – разумного пер-

воначального обучения. На этом скромном, но очень важном в государственном отношении поприще деятельности барон Н. А. Корф еще при жизни стяжал громкую и почетную известность от края до края России и блестяще вписал свое имя на страницах истории нашего отечественного народного образования, составляющего основу всего просветительного дела в государстве.

Глава I. Раннее детство

Скитальческая жизнь. – Смерть матери. – Жизнь в доме мачехи. – Двухлетнее пребывание в Воронежской губернии и благотворное влияние его. – Годичное пребывание в Новгороде, в доме отца. – Нравственный образ Корфа-отца. – Круглое сиротство и общий итог ранней детской поры.

Очень неблагоприятно сложилось раннее детство барона Николая Александровича Корфа и протекло в высшей степени своеобразно. В самом нежном детском возрасте, от двух до десяти лет, он вынужден был вести поистине скитальческую жизнь, побывав в этот промежуток времени в Харькове, Екатеринославе, Москве, Воронежской губернии, Новгороде, Лифляндской губернии и Петербурге. Таким образом, он был лишен того, что называется *родиной* в строгом смысле слова. Это, однако, не отразилось вредно на его воспитании, на которое влияют не только семья и школа, но и вся житейская обстановка. Она же была милостива к маленькому барону, пощадив в нем душевную и телесную чистоту, внушив ему высокое патриотическое чувство и горячую любовь к русскому народу.

«Житейская обстановка», ввиду исключительных условий ранней детской поры барона Корфа, заслуживает особенного внимания. Разобраться в ней помогает сам барон Корф,

оставивший «Посмертные записки», напечатанные в III, IV и V книжках «Русской старины» за 1884 год (под заглавием: «Из пережитого»), но доведенные, к сожалению, автором их лишь до окончания им курса в Александровском лицее.

Барон Николай Александрович Корф родился в Харькове 2 июля 1834 года. Отец его, Александр Федорович Корф, был из остзейских дворян, но совершенно обрусевший; он получил образование в Лицейском пансионе, бывшем в ту пору самостоятельным учебным заведением, и женился на малороссиянке, получив за нею в приданое поместье Нескучное Александровского уезда Екатеринославской губернии. Маленькому Коле едва исполнилось около года, как мать его умерла, так что у него не сохранилось никаких воспоминаний о материнских попечениях, о ласках матери. Менее чем через год после этого отец его вступил во второй брак, мотивируя такой шаг перед своими родными желанием, чтобы осиротевший Коля не был лишен материнского ухода. Случилось же, однако, совсем наоборот.

В своих «Записках» барон Н. А. Корф ничего не говорит непосредственно о мачехе; но все то, что рассказывает он о своем раннем детстве, доказывает, что второй брак отца внес в дом большой разлад и маленький Коля был нелюбим мачехой. Помимо отца, очень его любившего и оставившего в нем светлую и признательную память, мальчик имел еще верного и преданного друга в лице няни своей, Елены Ивановны Альберти, принявшей его грудным младенцем от матери и

воспитывавшей до шестилетнего возраста. Эта уроженка города Риги была недюжинной личностью. Она научила своего питомца читать по-русски и по-немецки, познакомила его с начатками христианской веры в форме бесед о Христе и с увлечением обучала русским песням. Вся дворовая прислуга в доме отца, которой также приходилось терпеть придирки от второй его жены, особенно бережно и любовно относилась к маленькому Коле как сиротке, рассказывая ему о его покойной матери. Тем не менее, положение ребенка из-за выходок мачехи было настолько ненормальным, что не исполнилось Коле и шести полных лет, как отец, скрепя сердце, вынужден был удалить его из дому для его же пользы.

Маленького Колю, успевшего уже пожить до этого времени в Екатеринославе и находившегося тогда в Москве, где жил его отец после вступления во второй брак, увезла с собою в Воронежскую губернию родная его тетка, сестра матери, Татьяна Тимофеевна (также Корф по мужу). Эта умная женщина, вдовая уже, имевшая двоих детей (сына и дочь), так серьезно относилась к их воспитанию, что ради этой цели переехала на житье из своего родового поместья Погромца в соседнее с ним поместье Волчье, принадлежавшее Д. Д. Градовскому, отцу покойного профессора и публициста, где домашнее обучение было поставлено на широкую ногу и организовано с замечательной умелостью. В доме Градовского под личным его наблюдением и руководством была организована регулярная «семейная школа» с должным штатом

преподавателей и строго установленной программой обучения. В этой школе, кроме двух детей Градовского, обучалось еще пятеро детей его соседей. Главою и душою школы был сам Градовский, относившийся к чужим детям совершенно так же, как к своим родным. Для той отдаленной эпохи (т. е. начала 40-х годов) серьезное, сознательное отношение к домашнему обучению было большой редкостью.

С восторгом вспоминает барон Корф в своих «Записках» о времени, проведенном им в Воронежской губернии, у тетушки Татьяны Тимофеевны Корф, и в Волчьем, т. е. в школе Д. Д. Градовского. Это – самая счастливая, яркая и радужная пора во всем его детстве. За время пребывания в этом уголке Малороссии, в которой находилось также и родовое его поместье Нескучное, он не только сжился, сроднился с Малороссией, но, можно даже сказать, *прирос* душой к селу. Во всю последующую пору школьного его учения село вообще и Малороссия в частности были целью его стремлений, его мечтой. Куда ни забрасывала его капризная судьба в детском, отроческом и юношеском возрасте, – село неотступно было перед ним, и он постоянно лелеял мечту сделать что-нибудь полезное и разумное в родном своем имении.

Такую привязанность к сельской жизни породили те замечательно благоприятные условия, в которых он находился, живя и учась в поместье Градовского. Там не морили над книгою, не угнетали физической и духовной природы детей учением. В летнюю, например, пору, продолжающуюся на

юге месяцев семь, дети проводили над книгой не более четырех часов, занимаясь остальное время на дворе, в саду, лесу, поле, на лугу. Такая постановка занятий, как нельзя более благоприятная в физическом отношении, воспитывала характер, развивала наблюдательность, самостоятельность и самостоятельность. В распоряжение детей были предоставлены всевозможные удовольствия: ужение рыбы, купание, верховая езда, обработка собственных гряд и прочее. Кроме того, почти каждый из детей имел своих ручных кроликов, перепелов, жеребят.

К этому нужно прибавить еще роскошные условия окружающей природы, со степным привольем, садом, лесом, лугами и рекою. Не последнюю роль, конечно, играло и кормление на славу, как и подобало прежней «житнице России», до сих пор еще славящейся своей кукурузой, тыквенной кашей, варениками, варенцом и арбузами, такими сочными, что их можно есть не иначе как ложками. Маленький Коля именно у своей тетушки Т. Т. Корф и в семье Д. Д. Градовского получил главным образом закваску коренного русского домашнего воспитания, причем, конечно, не последнюю роль играли и богатая кутья накануне Рождества, и торжественная встреча Пасхи.

Отзываясь с большою похвалою о семейной школе Градовского, ее порядках и учителях, Н. А. Корф с особенной любовью и признательностью останавливается на личности швейцарца Бешра, талантливого педагога. Этот добрый, ум-

ный, живой и разносторонне сведущий руководитель был не только хорошим преподавателем французского языка, но и воодушевленным товарищем детских игр, разного рода занятий на свежем воздухе и затей. Нисколько не в ущерб престижу учителя и воспитателя, Бешра умел быть ребенком с детьми, не чуждался даже строить вместе с ними мельницы на ручьях, не упуская, однако, случая сообщать им при этом и разные полезные сведения, но умея не надоедать своими поучениями. Понятно, что у такого преподавателя знание французского языка само собою переливалось в детей, и Коля, в придачу к русскому и немецкому языкам, овладел еще и французским.

Благоприятные условия воспитания в семье Градовского, особенно же грандиозные картины южнорусской природы, с ее величавостью и ширью, с ее табунами в 500 лошадей, оставили в душе ребенка неизгладимый след на всю жизнь. Эта пора жизни была особенно благоприятна для маленького Коли еще и в том отношении, что тетка, на попечении которой он находился, как сестра покойной его матери невольно воплощала в себе образ последней, – и ребенок не чувствовал своего сиротства.

К сожалению, только два года продолжался этот розовый период в жизни Коли, с шести до восьми лет. Совершенно неожиданно приехал отец и увез его с собою в Новгород, где он состоял тогда управляющим палатою государственных имуществ. Мальчик очень любил отца, сильно обрадо-

вался его приезду, но, тем не менее, со слезами оставил школу Градовских. Жить ему в отцовском доме было тяжело. В его отсутствие умер верный и преданный друг его, няня Альберти, так что, кроме самого отца, в семье не было для него близкого человека. Своих сестер, т. е. дочерей отца от второго брака, он почти совершенно не знал. Его поселили в отдельном флигеле с немцем-гувернером. Этот последний сильно подвинул его вперед в немецком языке, так что девяти лет от роду Коля с восторгом прочитал Робинзона Крузо в немецком изложении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.